

ИТАР-ТАСС

10 июня Тихону Николаевичу Хренникову исполняется 90 лет.

Он — это целая эпоха в российской музыкальной культуре.

Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат трех Сталинских, Ленинской и Государственной премий, профессор Московской консерватории.

Сумевший не написать НИ ОДНОЙ песни о вождях, он четыре с лишним десятилетия возглавлял Союз композиторов СССР.

А его песни из культовых фильмов советской эпохи «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны», «Верные друзья», «Гусарская баллада» до сих пор поют и любят...

ОТ СТАЛИНА ДО ПУТИНА — ОДИН ХРЕННИКОВ

Важно не только, что он написал, но и что сумел НЕ написать

— Большой резонанс получил ваш балет «Наполеон Бонапарт», премьера которого состоялась в Кремлевском дворце в 1995 году. А что еще создано вами в последние годы?

— После «Наполеона Бонапарта» я написал музыку для балета «Капитанская дочка», премьера которого состоялась в канун пушкинского юбилея в Театре Наталии Сац. Затем для того же театра я написал мюзикл «Чудеса да и только» по пьесе Маршака «Умные вещи» на либретто Роксаны Сац и главного режиссера театра Виктора Рябова. Я доволен результатом нашей совместной работы. Публика — не только дети, но и взрослые — смотрит мюзикл с большим интересом. Для меня важно, что эта пьеса учит порядочности.

А примерно год назад мне позвонил директор Омского оперного театра и просто потребовал, чтобы я написал мюзикл по мотивам кинофильма «В шесть часов вечера после войны». Пришлось согласиться. Мои друзья Роксана Сац и Виктор Рябов подготовили либретто, и я, частично используя музыку из фильма, а кое-что добавив новое, сочинил мюзикл, премьера которого состоялась 9 мая этого года.

Сейчас я пишу вокальные дуэты на слова одного знакомого, сделавшего очень интересные переводы старинной армянской поэзии.

— Вы никогда не жалели, что, отдав столько сил музыке, чего-то лишились и какая-то часть жизни прошла мимо вас?

— Я не считаю, что что-то прошло мимо меня, поскольку никогда не был падох на развлечение и удовольствия. Ничто не может сравниться с тем наслаждением, которое я получаю, сидя за столом перед новой партитурой. Вот разве что женщин я любил всю жизнь. Но любовь к женщине — это тоже значительный стимул для каждого творца.

А любимая женщина у меня была только одна — это моя жена Клара. Мы прожили вместе 67 лет, и она сыграла в моей жизни огромнейшую роль, потому что соединяла в себе качества, которые должны быть в любимой женщине, близком человеке, товарище и друге. Она очень на меня влияла, и если бы не Клара, я был бы совсем другим человеком. Но это не значит, что мне не нравились другие женщины. Конечно, нравились, конечно, я увлекался, но ничего серьезного не было.

Еще совсем мальчишкой я влюбился в нее по уши. Но у Виктора Рябова подготовили либретто, и я, частично используя музыку из фильма, а кое-что добавив новое, сочинил мюзикл, премьера которого состоялась 9 мая этого года.

— Наверное, именно характер позволил вам более сорока лет возглавлять Союз композиторов...

Музыка
необязательно
должна
нравиться всем

— Мне всегда хотелось заниматься только творческой работой, ни о какой административной карьере я и не помышлял... Как-то вечером мне позвонили (это было в 1948 году) и сказали, что сегодня в 23.00 я должен быть в ЦК у Дмитрия Шепилова — замначальника Агитпропа. Шепилов вручил мне листок с резолюцией Сталина: «Назначить Хренникова генеральным секретарем, поручить в апреле месяце провести первый съезд советских композиторов и создать композиторскую организацию». В один момент я стал руководителем всей музыки Советского Союза. А дальше — съезд. Никогда в жизни я не выступал, но «мой» доклад был уже написан в ЦК. Начинался он так: «Формализм крепко внедрил в сознание Шостаковича, Прокофьева и ряда других видных композиторов». Не пытаюсь оправдать себя, но всегда старался, как мог, защитить своих товарищей. Уже через полтора года Шостакович получил Сталинскую премию, а потом и Прокофьев.

— В те годы, начиная с доклада Жданова об Ахматовой и Зощенко, власть наносила удар за ударом по искусству. Очевидно, и от вас руководство страны многого ожидало...

— Сколько мог, я всегда старался отстаивать собственные взгляды и убеждения. Особенно сложно это было начиная с 1950 года, во время борьбы с космополитизмом, которая сводилась в основном к антисемитизму.

Для нашей организации этот вопрос стоял довольно остро, потому что было очень много талантливых композиторов-евреев. И тут мне пришлось в полную силу проявить свой характер, потому что от нас требовали отрицательных характеристик, но мы всегда давали только суперположительные, так что оснований для арестов не было. Помню, как-то раз арестовали Вайнберга на несколько дней, так я такой скандал закатил... Искатели компромата не должны были забывать, что на должность секретаря союза меня назначил Сталин! В других творческих союзах было много пострадавших, а из композиторов никто не пострадал.

— А были ли у вас в те годы поступки, в которых вы теперь раскаиваетесь?

— Единственное, в чем я раскаиваюсь, — это тот самый доклад, написанный в ЦК, который я прочитал на съезде композиторов. Собственно, он являлся развитием, точнее, буквальным повторением постановления ЦК от 1948 года, которое я как руководитель Союза композиторов должен был озвучить. Но отказаться от этого я не мог.

— А вы сами не были объектом клевет?

— Моя непокорность не давала покоя некоторым моим коллегам. Среди композиторов было много реакционно настроенных людей. Они писали на меня в ЦК. Суслов, взяв с меня честное слово, что буду молчать, давал мне читать эти доносы. Чуть ли

не каждый день с почтой я получал анонимные послания, где меня изображали то казненным на электрическом стуле, то на пути к кладбищу. Я был молод и реагировал очень болезненно. Из-за постоянной травли у меня случилось сильнейшее нервное расстройство. В сорок лет я оказался на грани жизни и смерти. Меня отправили в Барвиху, где лежали больные с истощением нервной системы. Главный врач сказал мне, что прогноз неутешителен. После этого я не мог спать 17 суток, у меня начались галлюцинации. Все шло к концу... От гибели меня спасла жена. Когда Клара приехала, я сказал ей, чтобы она увезла меня из Барвихи, иначе я умру. Уехать тоже было непросто, всюду стояли сотрудники НКВД, для отъезда нужно было получить специальное разрешение.

— И как же вы спаслись?

— Почти как Керенский. Прямо в больничной пижаме я лег на дно машины, Клара прикрыла меня своими юбками и увезла из барвихинского «рая». Я приехал домой, а в Барвихе — ЧП: пропал Хренников! Я позвонил главному

музыке государственной поддержки культуры. Ведь все последние годы нам внушалось, что искусством должны заниматься спонсоры, но не государство. Также я просил его поговорить с губернаторами, чтобы те, каждый в своей губернии, продолжили эту линию. Последний раз мы общались с ним на премьере «Руслана и Людмилы» в Большом театре. Я ушел после первого акта, он вытерпел еще пол-акта и тоже ушел.

— Провал «Руслана и Людмилы» — это, на ваш взгляд, единственный пример или вообще так плохи дела в Большом театре?

— Я давно там не был, мне сложно судить о нем вообще, но не понимаю, как руководство Большого театра могло пойти на то, чтобы вместо красочного спектакля, который был бы интересен и детям, и взрослым (все-таки сказка Пушкина), ограничиться такой скудной концертной постановкой.

— Каково ваше мнение о состоянии серьезной музыки в современной России?

— Очень большие трудности с ее исполнением. Ведь сейчас все пытаются из того, что им принадлежит, делать бизнес. И композиторам приходится платить за зал, за оркестр, за организацию концерта. А у кого из них имеются 5000 долларов, чтобы арендовать на вечер Большой зал консерватории? Но в то же время у нас есть замечательные композиторы, которые сочиняют интересные симфонии, оперы, мюзиклы. Меня радует, что серьезная музыка публикой востребована. Об этом говорят переполненные залы на концертах классики. Но, кроме зрительского интереса, должен быть и передаточный механизм от композитора к слушателю. Раньше им было государство. Сейчас нужно искать какие-то новые формы господдержки, потому что у нас очень много талантливой молодежи. Я до сих пор веду класс в консерватории, и иногда мне показывают ребят, которые уже в 9—12 лет сочиняют музыку и играют на рояле почти как взрослые.

Традиции обязательно нужно хранить. Ведь каждый творец

В годы борьбы
с космо-
политизмом,
когда он
возглавлял
Союз, ни один
композитор
не пострадал

должен знать все, что создано до него, чтобы к этому «до него» прибавить что-то свое. Правда, есть некоторые новаторы, которые считают, что все созданное ранее надо разрушить, чтобы начать строить заново. Вот тогда и получается та деградация искусства, которую мы порой наблюдаем в театре или музыке, когда люди рубят сук, на котором сидят. Без традиций, то есть накопления опыта предыдущих поколений, невозможно существование искусства.

— А к музыке Шнитке, Губайдулиной как вы относитесь?

— У обоих авторов есть прекрасные сочинения, которые я ценю, а есть и менее удачные, которые я не принимаю. Это нормальный процесс. Я считаю, что каждый имеет право работать в искусстве так, как он хочет, но и публика имеет право на свое мнение. Музыка того или иного композитора вовсе не обязательно должна нравиться всем слушателям.

● Александр
СЛАВУЦКИЙ